

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ, ПРОТИВОРЕЧИВАЯ СУЩНОСТЬ

© 2009 г. З. Ш. Гафуров¹

Сегодняшний мировой финансово-экономический и системный кризис – это проблема уже не предпринимательского, а глобального корпоративного капитала. Так или иначе кризисные тенденции затрагивают практически все политико-правовые формы современной общественной жизни и, в частности, современное социально-правовое государство. Термин “социально-правовое государство” напрямую связан со смысловой конструкцией “социальное правовое государство”, предложенной Г. Геллером еще в 1930 г.² Научная ценность данного термина и соответствующего понятия стала особенно очевидной в наши дни, ибо в современном мире давно нет ни правового государства в чистом виде, ни социального, а есть социальное правовое государство, все чаще именуемое в юридической литературе как социально-правовое.

Социально-правовое государство возникает в середине XX в. в результате длительного, более полувекового процесса перерастания правового государства не просто в социальное, а именно в социально-правовое государство. Образовавшееся в результате подобной трансформации новое государство, став социальным, не перестает быть правовым. Но даже если допустить существование чисто социального государства, то и оно вопреки утверждениям многих весьма авторитетных отечественных правоведов³, не утрачивает своего правового характера, если, конечно, под правом не понимать исключительно частное право.

Причины возникновения социально-правового государства. Самой общей объективной причиной появления на арене политико-правовой жизни Запада социально-правового государства стал глубокий кризис правового государства в первой половине XX в. На международной арене

этот кризис проявился прежде всего в неспособности такого государства предотвратить возникновение двух мировых войн с их бесчисленными материальными и человеческими страданиями и жертвами, развитие национально-освободительных движений, восстаний народов колоний и последующий распад колониальных империй (Англии, Франции, Германии и др.), народно-демократические и социалистические революции в Европе и Азии, рождение, наконец, из них мировой социалистической системы, существенно сузившей сферу господства мирового капитала. Короче, правовое государство оказалось во многом бессильным сохранить благоприятные внешние условия своего собственного существования.

Правовое государство, взятое в своем чистом виде, оказалось несостоятельным и в качестве защитника прав и свобод человека, причем не только прав рабочего большинства, для которого право собственности превратилось в право на свою рабочую силу, но и прав класса собственников, чье право собственности было поставлено под сомнение пролетарскими революциями. Кроме того, оно стало сокращаться, подобно шагреновой коже, с началом осуществления лейбористскими и социал-демократическими правительствами социальных реформ. Таковы основные проявления кризиса правового государства в первой половине XX столетия. В своей совокупности они и стали главной причиной появления на свет социально-правового государства.

Сегодня диапазон оценок социально-правового государства и в зарубежной, и в отечественной юридической литературе чрезвычайно широк. Если начинать с оптимистических оценок социально-правового государства, то нельзя не заметить, что они нередко граничат с восторженным отношением к нему. Например, известный на Западе немецкий правовед К. Хессе, освещая деятельность социального государства, практически полностью уподобляет таковое социалистическому. По его глубокому убеждению, первое, как и второе, устанавливает всеохватывающей контроль над обществом, фактически являясь не только планирующим и управляющим государством, но и непосредственно занимающимся всем

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии, доктор философских наук.

² См.: *Калашиников С.В.* Функциональная теория социального государства. М., 2002. С. 66.

³ См.: *Четвернин В.А.* Государство: сущность, понятие, структура, функции // Проблемы общей теории права и государства. М., 1999. С. 637; *Мамут Л.С.* Социальное государство с точки зрения права // Гос. и право. 2001. № 7. С. 5–14.

производством материальных и духовных благ и распределяющим их⁴.

В неменьшей степени сказанное относится и к отечественным исследователям. При всей критичности их общего подхода к рассматриваемому явлению в расставляемых ими акцентах очень часто преобладают мажорные тона. Так, С.В. Калашников в своем основательном труде “Функциональная теория социального государства” пишет: “Полное совпадение социалистических принципов и целей с атрибутами социального государства свидетельствует об очень тесной связи социального государства и социалистической идеологии. По сути социальное государство стало реализацией социалистической идеи”⁵. В не менее радужных красках предстает социальное государство и в работе мэра Москвы Ю.М. Лужкова “Развитие капитализма в России. 100 лет спустя. Спор с правительством о социальной политике”. В итоге теоретически сформулированная и практически реализованная концепция “социального государства”, “государства всеобщего благосостояния”, считает он, – главный и наиболее позитивный из всех реализованных общественных проектов XX в. Проект пропитан идеей социальной ответственности государства и социального прогресса, воплощает эволюцию капитализма, постепенное мирное проникновение в ткань капиталистической экономики социалистических принципов – равенства, справедливости, социального мира⁶.

Можно полностью разделить мысли приведенных авторов о том, что социальное государство – свидетельство заимствования капитализмом черт социализма, внедрения таких гуманистических принципов, как справедливость и равенство. Можно согласиться также с утверждениями о постоянном присутствии мощных социалистических начал в современной капиталистической системе (в виде во многом уже обобществленного высокоэффективного производственного аппарата, высокой степени социализации отношений собственности, наличия многочисленных демократических форм функционирования политико-правовых институтов в интересах подавляющего большинства населения и т.д.). Тем не менее, думается, что присоединиться целиком к изложенной позиции без оговорок нельзя.

Первая оговорка продиктована тем, что из приведенных выше (в общем правильных тезисов) делается чрезмерно широкое обобщение о

судьбах современного капитализма, о том, что эволюция социально-правового государства позволила поставить его на службу большинства общества. Согласиться с подобными оценками довольно трудно, тем более в свете современного кризиса.

Правящие в капиталистическом мире силы действительно включили перераспределительный механизм, обеспечивающий прожиточный минимум для неимущих, но сделали это отнюдь не по доброте душевной. Социальное государство (welfare state) – это явное отклонение от логики развития и природы капитализма, которое лишь в малой степени может быть объяснено заботой о создании спроса и потребителей массовой продукции. Главное в другом – в наличии системного антикапитализма в виде СССР. В ходе “холодной войны”, глобального противостояния с СССР, в противоборстве двух глобальных проектов капиталисты вынуждены были откупаться от среднего и рабочего классов, замирать их (налоги на капитал, высокие зарплаты, пенсии, пособия и т.п.).

Вторая оговорка обусловлена тем, что как в отечественной, так и в иностранной литературе достаточно широкое распространение имеет и противоположный взгляд на социальное государство, т.е. в целом негативное отношение к нему. В частности, глубоко аргументированной критике подвергает его видный российский правовед С.С. Алексеев, делая это с последовательно либерально-демократических, гуманистических позиций. Совершенно справедливо он квалифицирует социальное государство как “стыдливый аналог” социалистического государства, акцентируя тем самым максимальную близость этих двух понятий. Но, в противоположность изложенным выше взглядам, это обстоятельство вызывает у него не удовлетворение, а скорее опасение: «Пожалуй, только ужасы сталинского “социализма” и гитлеровского “национал-социализма”, – пишет ученый, – потребовали терминологических корректив, замены дискредитированного выражения “социалистическое государство” на более обтекаемое и неопределенное – “социальное государство”. Впрочем и ныне при освещении деятельности “социального государства” употребляются характеристики, присущие именно социалистической государственности...»⁷.

Еще большую тревогу по сравнению с тревогой отечественных и зарубежных либерал-демократов вызывает рассматриваемое государство у либертарианцев. Так, современный американский либертарианец Дэвид Боуз, категорически отвергая идею социального государства, в своей книге о либертарианстве пишет следующее. Сей-

⁴ См.: Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 110–112.

⁵ Калашников С.В. Функциональная теория социального государства. М., 2002. С. 65.

⁶ Лужков Ю.М. Развитие капитализма в России. 100 лет спустя. Спор с правительством о социальной политике. М., 2005. С. 70.

⁷ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 683–685.

час очевидно, что общество, тотально контролируемое государством, – это подлинная катастрофа, и все больше людей задается вопросом, почему общество хочет ввести немного социализма, если полный социализм ведет к таким плачевным результатам. С его точки зрения, дать деньги и власть такому государству – все равно, что дать виски и ключи от машины подросткам. Ведь оно берет деньги у одних людей и, прикармливая изрядную долю, оставшееся отдает другим людям⁸. Окончательный вердикт Девида Боуза суров: социальное государство как вредное для общества, во всяком случае американского, подлежит ликвидации⁹.

С противоположных только что изложенным, а именно с леворадикальных позиций, критикуют социальное государство представители всемирно известной Франкфуртской школы: Г. Маркузе, Э. Фромм, Ю. Хабермас и др. Для них социальное государство имеет один порок – оно недостаточно социалистично. В их трудах социальное (социально-правовое) государство предстает как государство, в котором нет свободы. При всей своей рациональности, пишет например один из самых выдающихся философов и политологов XX в. Г. Маркузе, государство благосостояния является государством несвободы, поскольку тотальное администрирование ведет к систематическому ограничению: а) “технически” наличного свободного времени; б) количества и качества товаров и услуг, “технически” наличных для удовлетворения первостепенных потребностей индивидов; в) интеллекта (сознательного и бессознательно), способного понять и реализовать возможности самоопределения¹⁰.

Таков во многих отношениях беспрецедентный разброс мнений в современной литературе о социальном, а значит, и социально-правовом государстве. Тем не менее этот разброс не означает, что в приведенных позициях по отношению к рассматриваемому государству нет ничего общего. При всей их неоднородности им присущи два принципиально важных общих момента. Первый – признание того, что по своей сути социальное государство – это аналог социалистического государства. Как пишет в этой связи выдающийся отечественный философ и политолог А.А. Зиновьев, эволюция Запада в “основных сферах общественного устройства идет в направлении, сближающем западное общество с коммунистическим. Теория конвергенции этих социальных систем была выдвинута не коммунистами, а западными идеологами. Разгромив коммунизм на “Востоке”, Запад

сам устремился в том же направлении, хотя и своими путями, называемыми в идеологии и пропаганде демократическими. Можно подумать, что Запад в свое время разгневался на русских “дикарей” не за коммунизм, а за то, что они опередили его в этом отношении и построили коммунизм по-русски, то есть неправильно, не по-западному”¹¹.

Второй общий момент в разногласии мнений относительно социально-правового государства – мысль о том, что социальное государство это свидетельство заимствования капитализмом принципов социализма и прежде всего в сфере государственного строительства. Подобные выводы самоочевидны и с ними, конечно, особо не поспоришь. И все же указанные общие моменты тонут в море показанных выше различий во взглядах на рассматриваемый предмет и поэтому именно последние нуждаются прежде всего в объяснении. С нашей точки зрения, эти различия являются следствием не только неодинаковости политических пристрастий названных высококомпетентных авторов, но и в определенной мере отмеченной ранее незавершенности процесса теоретического осмысления феномена социально-правового государства. Конкретно же это проявляется в недостаточно полном учете как минимум трех важнейших обстоятельств.

Первое обстоятельство заключается в том, что при анализе социальной, так сказать, половины социально-правового государства, когда она абстрагируется и рассматривается в качестве самостоятельного социального государства, видимо, на периферии внимания остается тот факт, что последнее не существует само по себе, отдельно, а в диалектическом, т.е. противоречивом единстве с правовым государством. На наш взгляд, не полностью учитывается и тот факт, что сама сущность социально-правового государства определяется противоречием между его правовым и социальным началами. Как будет показано ниже, это противоречие суть противоречие данного государства с самим собой, источник его самодвижения, ядро, из которого развиваются все остальные структуры и функции данного государства. Причем принцип взаимодополнительности рассматриваемых начал входит в содержание данного противоречия в качестве его хотя и принципиального, но все же момента.

В этой связи нельзя не присоединиться к точке зрения С.С. Алексеева, подчеркивающего противоречивый, конфликтный характер взаимоотношений между правовым и социальным государством. Совершенно правомерно он исходит из того, что идея социального государства входит в противоречие с требованиями свободной конкурентной рыночной экономики, а главное – с осно-

⁸ См.: Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. М., 2004. С. 3.

⁹ См.: там же. С. 5–11.

¹⁰ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003. С. 78.

¹¹ Зиновьев А.А. Запад. М., 2007. С. 8.

вополагающими принципами правового государства, верховенства (правления) права в демократическом обществе, идеей права человека¹².

На существование известного противоречия между социальной деятельностью государства и реализацией основных гражданских и политических прав человека указывает и другой известный российский правовед Л.С. Мамут. Он подчеркивает, что ничего катастрофического и сверхъестественного в наличии таких противоречий нет. Давным-давно известно, отмечает он, что не все параметры цивилизованного человеческого общества точь-в-точь согласуются между собой. Хрестоматийное подтверждение тому – “неустрашимое и принципиальное состояние напряженности” между свободой и равенством. Свободой, добавим от себя, воплощенной в правовом принципе социально-правового государства и равенством, олицетворяемым его социальным принципом¹³.

Фактически то же самое отмечают российские ученые-конституционалисты Б.А. Страшун и А.А. Мишин. И с их точки зрения, между конституционным требованием защиты личной свободы, т.е. правовым принципом, и социальной деятельностью государства имеется определенное противоречие¹⁴. А немецкий исследователь Э. Форстхофф вообще в свое время выдвинул тезис о невозможности какого-либо компромисса, т.е. совмещения в одном публично-властном образом организованном обществе черт правового и социального государства¹⁵.

И действительно. Противоречивость правовой и социальной составляющих социально-правового государства определяется прежде всего противоречивостью самого правового государства. Как и всякое явление, оно противоречиво в том смысле, что оно само из себя развивает те элементы, которые, рано или поздно, положат конец его существованию, превратят его в собственную противоположность. И этими элементами выступают различные фрагменты становящегося социального государства. Они вызываются к жизни процессом превращения в свою противоположность не столько даже самого правового государства, хотя и его тоже, сколько его правовых институтов и норм. Каков смысл, например, знаменитой максимы: *summum jus summa injuria* (высшее право – высшее бесправие). Его смысл прост: всякое отвлеченное право, дойдя до своего логического конца, превращается в бесправие, т.е. в свою противоположность. По мнению

Г.В. Плеханова, блестящей иллюстрацией этому является “Венецианский купец” Шекспира.

При этом он вполне справедливо исходит из того, что максимально широкое использование права частной собственности в условиях свободной конкуренции ведет к образованию монополий, исключаящих это право для большинства, т.е. ведет к его бесправию. Универсальное применение этого права своим следствием имеет то, что “собственность, приобретенная моим личным трудом, родит мне собственность, созданную трудом другого. *Summum jus summa injuria*. И такая *injuria* самую силою вещей порождается в хозяйстве чуть ли ни каждого зажиточного кушача...”¹⁶. А это означает одно: в правовом государстве свобода, воплощенная в абстрактном праве (праве отдельного индивида), реализуется в собственности, договоре и наказании¹⁷, т.е. в условиях расширенного товарного производства из-за появления на рынке в качестве товара рабочей силы превращается в свой антипод – рабство. Это происходит в силу указанного отрицания права собственности для большинства, а вместе с ним и всех других вытекающих из него прав.

Далее, конфликт правового и социального начал – это проявление глубинного конфликта между классовой и общесоциальной природой государства. Иными словами, первое начало (правовое) выражает бытие государства в качестве орудия в руках индивидов – собственников, объединенных в доминирующий в гражданском обществе господствующий класс, а второе (социальное) – его бытие как выразителя совпадающих интересов всех членов общества независимо от их классовой принадлежности. Следовательно, все дело в том, какое из этих двух начал преобладает и как, сохраняя оба начала, – и правовое, и (обще)социальное, – обеспечить функционирование государства как единого целого в интересах подлинной демократии, свободы, справедливости.

Борьба за преобладание одного из этих двух начал и составляет скрытую пружину, приводящую в движение весь механизм социальной борьбы за политическую власть. Поэтому, несмотря на то, что в содержание рассматриваемого противоречия момент антагонизма входит не актуально, а потенциально, тем не менее в определенных ситуациях это противоречие вполне может заостряться до антагонизма. То или иное (революционное или реформистское) разрешение последнего и есть “высший синтез” указанных противоположных начал.

¹² См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 684.

¹³ См.: Мамут Л.С. Указ. соч. С. 13.

¹⁴ Страшун Б.А., Мишин А.А. Социальное государство // В кн.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 1–2. М., 1999. С. 240.

¹⁵ См.: Forsthoef F. Rechtsstaat im Wandel. Stuttgart, 1964. S. 38.

¹⁶ Плеханов Г.В. (Бельтов Н.). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1949. С. 81.

¹⁷ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 94–95.

С точки зрения Сен-Симона, Канта, Гегеля, Фейербаха, Маркса подобный синтез, т.е. синтез прав и свобод индивидов-собственников (выражающих классовую природу государства) с общесоциальными интересами (выражающими общесоциальную природу государства) возможен. Ведь естественные права человека – это, по Гегелю, абстрактное право индивида-собственника. Противоречия “снимаются” по мере восхождения к конкретному праву, праву государства как олицетворенной нравственности¹⁸. По Марксу, как известно, вместе с превращением государства в самоуправляющуюся ассоциацию прав человека, правовые нормы вообще превращаются в нормы нравственности. В другом, кантовском, варианте государство трансформируется в Администрацию с большой буквы, а права человека, право как таковое – в совокупность исключительно технических норм. И здесь уже никаких следов классовости. Только нравственность и наука.

Кант, неокантианцы, их сегодняшние либеральные последователи все это объявляют утопией. Противоположность правовой и социальной составляющих государства (а в зародыше они присутствует в нем всегда), с их точки зрения, в рамках единой цельной правовой доктрины и, соответственно, такой же правовой системы преодолеть нельзя, подобно тому, как нельзя снять противоположность между легистским и юридическим подходами к праву и, соответственно, между всем тем, что из этих двух подходов вытекает, включая рассматриваемые нами противоположности. Самое лучшее, на что можно рассчитывать при решении этого вопроса, полагают они, – это признание и терпеливое использование взаимодополнительности легистского и сугубо юридического образа мысли, когда каждая из сторон в духе толерантности воспринимает и учитывает резоны другой¹⁹. На наш взгляд, в контексте решаемой проблемы все указанные подходы можно в какой-то мере объединить на основе развиваемой в настоящей статье идеи циклической эволюции социально-правового государства, ключевые положения которой рассматриваются ниже. Такова самая глубинная часть объективного содержания противоречия правового и социального принципов социально-правового государства, а точнее, таково его объективное экономическое и социальное содержание.

Это содержание раскроется перед нами еще глубже, если помнить, что оппозиция “правовое – социальное государство” – это во многом аналог и проявление хорошо известных фундаментальных антитез: буржуазное государство – социали-

стическое государство, либертарное – тоталитарное, либерально-демократическое – социал-демократическое, договорное – коммунитарное, контрактное – корпоративное, конвенциональное – государство общественного служения и т.д.

В свою очередь, данные оппозиции в известном смысле могут рассматриваться как политико-правовое выражение коллизий между такими контрарными (но не контрадикторными) компонентами любого общества и его государства как капиталистическое – социалистическое, деловое – коммунальное (А. Зиновьев), инструментальное – коммуникативное (Ю. Хабермас), индивидно-продуктивное – коллективистско-дистрибутивное (С. Кара-Мурза), производство средства для жизни социума и производство самого социума (К. Маркс), собственность – власть, партикулярное – холистское, либеральное – коммунистическое, рыночное – плановое и т.п. Понятно, что список подобных дуальностей можно продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы заключить: здесь речь идет о действительно ключевых характеристиках любого общества и государства, главных силовых линиях, пронизывающих государственный организм сверху до низу и поддерживающих в нем жизнь, о тех параметрах, которые наиболее полно и адекватно выражают его подлинную природу, создавая его наиболее содержательный теоретический образ. Так прокладывается самая общая линия подхода к познанию социально-правового государства.

Практически же она состоит в том, что понятия, являющиеся сторонами указанных оппозиций, суть равноправные теоретические концепты, обслуживающие разные срезы социально-правового государства. Последнее, таким образом, может быть теоретически “схвачено” лишь при предварительном корректном наложении системы координат, оси которой заданы логической поляризацией сторон каждой из перечисленных выше оппозиций. Эти бинарные оппозиции выступают основными движителями развития государства, но в разных его аспектах. В этом смысле социально-правовое государство предстает как множество, вернее, как система “единств противоположностей”, результат взаимодействия разнонаправленных тенденций, теоретически зафиксированных указанными парными категориями.

Постоянное взаимопроникновение и взаимоотталкивание правового начала и социального, т.е. по существу капиталистических и социалистических элементов, инструментальности и коммуникативности, индивидной продуктивности и коллективистской дистрибуции, производства благ для общества и производства самого общества, собственности и власти, рынка и плана, партикулярности и холизма – короче, диалектика взаимодействия этих феноменов ведет к постепенному

¹⁸ См. там же. С. 279–297.

¹⁹ См.: Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 131.

раскрытию “субстанционального веера” социально-правового государства с неограниченным числом его конкретных вариантов – комбинаций. Причем каждый из них в сущностном смысле является исторически равноправным.

Сегодняшнее западное общество и его социально-правовое государство содержат в себе в “снятом” виде все указанные дуальности. И связано это в первую очередь с тем, что явления социализма суть не только нечто внешнее Западу, но и собственные элементы западной общественной и государственной жизни. Неслучайно именно на Западе родилась теория конвергенции западного и коммунистического общества как близких вариантов общества индустриального. Теория конвергенции капитализма и социализма (коммунизма) развивалась, как известно, в 50–60-е годы XX в. западными мыслителями Дж. Гэлбрайтом, П. Сорокиным, Р. Ароном, Я. Тимбергеном и др.

Таким образом, западное общество и его политико-государственная форма в виде социально-правового государства не сводятся сегодня к капитализму. В них помимо основных систематизирующих свойств и закономерностей капитализма есть в целом не менее важные черты и тенденции социализма, но ставшие органическими элементами капиталистической системы. Поэтому вполне закономерен тот факт, что большинство западных обществоведов и ученых юристов связывают будущее Запады с посткапитализмом в виде информационного, технотронного, пострыночного, постбуржуазного, глобального общества, а не классическим капитализмом. В силу подвижности и изменчивости общества и его политико-правовой составляющей, в виде прежде всего социально-правового государства, указанные два аспекта играют в них различные роли, а отношения между ними меняются, хотя преобладающим, конечно, остается капиталистический аспект.

Свое отражение это находит, в частности, в хорошо известном факте, что в один период социально-правовое государство особо активно оберегает частное предпринимательство, рынок и конкуренцию, начиная усиленно приватизировать все, что можно взять под свою опеку как неконкурентоспособное, нерентабельное или стратегически важное. В другой период оно, наоборот, форсирует свою роль единственного фактора регулирования экономики и решения социальных проблем. Иначе говоря, жизнь научила социально-правовое государство тонкой регулировке соотношений правового (либерального) и социального (коммунального) направлений своей правовой и экономической политики. Здесь победа либералов, создающих лучшие условия для укрепления экономического потенциала общества, периодически сменяется победой на очередных выборах социал-демократов с их заботой о

социально-экономических правах людей и гарантиях минимума их благосостояния.

Завершая анализ рассмотренных выше бинарных оппозиций, хотелось бы особо подчеркнуть следующее. Оппозиция “правовое–социальное” в известном смысле может рассматриваться как политико-правовое выражение всех других рассмотренных выше оппозиций, но рассмотренных, так сказать, в первом приближении. При более детальном рассмотрении становится ясным, что их более точным, т.е. сугубо юридическим выражением, или иначе адекватной юридической формой, являются чисто юридические оппозиции. В первую очередь они представлены такими дихотомиями, как права человек – права коллектива (народа, государства), гегелевские абстрактное право – конкретное право, право – обязанность (правообязанность), естественное право Нового времени как права отдельного человека на благо – классическое естественное право как право общественно целого на общее благо и т.д. Перечисленные дихотомии – суть наиболее общая юридическая санкция указанных выше коллизий социально-правового государства. Именно они в первую очередь служат тем стержнем, вокруг которого складывается правовая система любого социально-правового государства.

В правовой системе данные юридические оппозиции находят свое воплощение в виде антитез ее исходных правовых идей, принципов, институтов, моделей и методов регулирования и т.д. Речь идет о таких оппозициях, как юридическое понимание и легистское, частное право и публичное право, общедозволительное начало правового регулирования и разрешительное, субъективные юридические права и юридические обязанности, диспозитивная и обязывающая модель регулирования общественных отношений, метод согласования (автономных решений) и метод обязательных предписаний, возвышение свободы договоров и ее целенаправленное сужение, централизация правового регулирования и децентрализация и т.д. Первая половина перечисленных пар характерна для правового государства. Вторая – для социального.

Сегодня о правовой системе западного социально-правового государства можно сказать, что она уже давно пережила перелом в мире правовых явлений, а именно: переход от господства публичного права к доминированию частного права. Вместе с тем сказанное отнюдь не умаляет значимости доминирующего в социальном государстве публичного права и всего, что из него вытекает. Более того, как показывает история (например, Великая депрессия в США в 20–30-е годы XX в.) правовая система социально-правового государства способна, если так можно выразиться, поменять свои знаки на противоположные и то-

гда на первое место выйдет вторая половина указанных бинарных оппозиций. Достаточно повториться нечто подобному этой депрессии или приходу к власти левых сил в виде Народных фронтов в предвоенной Франции и Испании, чтобы именно эта (правая) часть перечисленных антитез, характерная для социального государства, стала доминирующей.

Таково первое обстоятельство, правильная интерпретация которого во многом объясняет пестроту научных представлений о социально-правовом государстве. Что касается второго обстоятельства, учет которого способен помочь более или менее адекватной трактовке этого государства, то оно напрямую связано с вступлением социально-правового государства в 80–90-е годы прошлого столетия в новый этап своего развития. Последнее глубоко отпечаталось практически на всех его гранях, во многом изменив его природу, а вместе с ней и его оценки.

Данный этап с полным основанием может быть назван неолиберальным этапом эволюции социально-правового государства. На этом этапе мы имеем дело фактически с его новой, **неолиберальной, моделью**²⁰. Эта модель появляется на рубеже XX–XXI столетий, когда западное общество по многим критериям действительно становится постиндустриальным, глобальным, информационным, постэкономическим и посткапиталистическим, когда растет значимость нематериальных факторов производства и сопутствующей им интеллектуальной и исторической ренты, а государственно-правовая форма начинает обретать во многом новое качество и выливается в неолиберальную разновидность социально-правового государства.

Это общество и, соответственно, его государство в западной научной литературе именуется по-разному: глобальное, постиндустриальное, постэкономическое, постматериальное, информационное, сетевое, пострыночное, и что особенно важно, – посткапиталистическое, постбуржуазное, постсовременное, ибо оно приходит на смену современному капиталистическому обществу. Причем под каждое название подводятся соответствующие концепции. Многочисленные термины и концепции, использующиеся для обозначения новой стадии развития общества и его государственно-правовой формы, основаны, как правило, на использовании приставки “пост”: “постиндустриальное общество” Д. Белла, “постиндустриальный капитализм” Р. Хейлбронера, “постбуржуазное

общество” Дж. Лихтхайма, “посткапиталистическое общество” Р. Дарендорфа и П. Дракера, “постпотребительское” Д. Рисмана, “пострыночное” Дж. Рифкина. Благодаря этим концепциям зреет понимание того, что произошли изменения, которые не сводимы к трансформации прежних порядков, а представляют собой формирование совершенно нового социального и государственного устройства²¹.

При этом важно еще раз подчеркнуть, что все эти концепции в той или иной степени отрицают классический капитализм и его правовое государство в грядущем западном обществе. (И это в то время, когда в России постсоциализм поняли не как посткапитализм, а как классический капитализм с его правовым государством, которых на Западе, во всяком случае в чистом виде, уже давно нет.) А.А. Зиновьев называет его сверхобществом, а соответствующее государство – сверхгосударством²². Развитие обоих явлений, полагает он, идет в направлении, сближающем западное общество с коммунистическим в основных сферах общественного устройства, включая, разумеется, и государственно-правовую сферу. Более того, как уже отмечалось, в своих последних трудах он убедительно доказывает, что, покончив с коммунизмом, Запад сам устремился по тому же азимуту, хотя и своими путями, называемыми в идеологии и пропаганде демократическими²³. Одним из таких путей и является, на наш взгляд, исследуемое в настоящей статье социально-правовое государство.

Формирование новой, неолиберальной, разновидности социально-правового государства как политической формы по сути дела уже нового социума вызвано к жизни множеством причин. Самая прямая и непосредственная из них – кризис его предыдущей модели, социал-демократической, как следствие всеобщего распространения неолиберальной модели мироустройства на рубеже тысячелетий. Более общую и более глубокую причину данного феномена следует искать в отмеченном выше перерастании классического буржуазного общества в современное постиндустриальное, информационное, глобальное общество. Социально-правовое государство, повторим еще раз, на нынешнем, неолиберальном, этапе своей трансформации – продукт качественных

²⁰ В юридической литературе даются самые разные классификации моделей социального государства. С нашей точки зрения, имеются все основания современную модель (начиная с 80-х годов XX в.) определять как неолиберальную, предыдущую (50-80-е годы XX в.) как социал-демократическую, а существовавшую до нее (конец XIX – середина XX вв.) – как либеральную.

²¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Пер. с англ. М., 1999; Heilbroner R. Business Civilisation in Decline. N.Y. – L., 1986. P. 51; Inglehart R. Culture shift in Advanced Industrial society. Princeton (N.J.), 1990. P. 96; Drucker P.F. Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 176; Rifkin J. The End of Work. The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N.Y., 1996. P. 241–245.

²² См.: Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2004. С. 533–545.

²³ См.: Зиновьев А.А. Запад. М., 2007. С. 8.

изменений западного гражданского общества на грани тысячелетий. В своей совокупности эти изменения означают его диалектическое отрицание, его “снятие” с удержанием позитива предыдущего, социал-демократического, этапа его развития. Эта совокупность радикально меняет все объективные основы социально-правового государства.

Так, сегодня его экономической основой все больше выступает собственность на информацию. С такой собственностью работник соединяется непосредственно, без посредника-капиталиста, что во многом снимает классовое противоречие труда и капитала. Сам труд в возрастающей степени принимает творческий характер. Сфера эксплуатации в этой ситуации существенно сужается, во многом превращаясь в самоэксплуатацию. Капитал и рынок все больше обретают социальную ориентацию. Именно здесь корень тех принципиальных сдвигов, которые происходят в государственно-правовой форме общества в конечном счете под воздействием складывающихся в современном обществе новых отношений собственности.

Новизна же последних, а стало быть, и новизна права собственности как краеугольного камня любой правовой системы, обусловлена спецификой главного объекта собственности – знаний, информации, культуры в целом. Специфика же ее состоит в том – и это чрезвычайно важно подчеркнуть, – что собственность подобного рода объективно во многом имеет двойственный характер – является одновременно частной (по способу индивидуального применения) и по многим параметрам общественной (в идеале как достояние всего общества, как главная составляющая человеческой культуры). Именно здесь берут свое начало многочисленные характеристики постиндустриального общества и его государства в западной литературе не только как постматериального и постэкономического, но и как посткапиталистического.

В этих условиях вместе с изменением ключевой формы собственности, а следовательно, и производственных отношений (как экономической основы всякой государственности) радикальной трансформации подвергается и социальная основа социально-правового государства. Социально-классовая структура общества трансформируется главным образом из-за резкого возрастания численности людей, занятых в новых информационных технологиях и составляющих большую часть среднего класса, что, так или иначе, сказывается на роли и поведении господствующих в этом обществе сил.

Объективно роль среднего класса должна возрастать. Но в действительности этого не происходит из-за начавшегося контрнатупления на этот слой верхушки корпоративного капитала. По-

следняя, естественно, расположена на самом вершине современной социальной пирамиды. Будучи весьма аморфной, она тем не менее представляет собой ключевой слой субъектов корпоративного капитала – номенклатуру глобального капитала (от высших менеджеров, держателей крупных пакетов акций и государственной номенклатуры до лиц, контролирующих основные права собственности в корпоративных группах) и крепко держит в своих руках штурвал государственного корабля. Вот на таком кардинально модифицированном экономическом и социальном фундаменте возникает принципиально обновленная политико-правовая надстройка в виде, в частности, современной неолиберальной разновидности социально-правового государства.

Идеологической основой новой модели социально-правового государства выступает плод информационных технологий – массовая культура, культура массового потребления, занявшая доминирующие позиции в духовной жизни сегодняшнего Запада. Сегодня технологии позволяют программировать сознание, вкусы и поведение людей и, что особенно важно, их политическое поведение. Массовая культура – признак известного вырождения западной культуры в целом. Она задает стандарты жизни, несовместимые с христианскими началами западной культуры, формирует в западном обществе новый “внутренний пролетариат”, живущий не созиданием, а диким, варварским поглощением ресурсов. Конечно, Запад и его социально-правовое государство еще в полной мере демонстрирует свою далеко не исчерпанную способность к творчеству и созиданию. В самом западном обществе массовая культура завоевывает свои позиции лишь шаг за шагом, сталкиваясь при этом с весьма серьезным сопротивлением элиты. Но вовне, в неокрепших, не имеющих глубоких христианских корней (во всяком случае не укреплявшихся более двух тысячелетий) обществах, вроде российского, ее воздействие оказывается разрушительным.

Наконец, еще одно, третье обстоятельство, подлежащее учету при выяснении причин неоднозначного отношения исследователей к социально-правовому государству и столь разной трактовки его сущности, связано с глобализацией. Новизна нынешней, неолиберальной, модели социально-правового государства не менее рельефно, как уже подчеркивалось, находит свое выражение в тех ее чертах, что появились в ее облике в результате процесса глобализации. Сегодня в мире осуществляется неолиберальный проект глобализации. Ее цель – вывести классовые конфликты западного общества вовне, перенести их на отношения с развивающимися странами, включая Россию, чтобы, используя их дешевые и доступные ресурсы, установить свой новый миро-

вой порядок, как фактическое господство США в современном мире.

В этих условиях социально-правовое государство, с одной стороны, реализуя свой правовой принцип, стремится соответствовать логике глобализации как в первую очередь глобализации экономической и в силу этого приобретает все более экономический “профиль”, превращаясь в своего рода государство-корпорацию, конкурирующую с ТНК. С другой – в той мере, в какой новая эпоха является эпохой постиндустриального типа, эпохой экономики знаний, экономики человеческого капитала, – в государственной политике естественным образом продолжает усиливаться противоположная линия, возрастать значение социального принципа социально-правового государства. Последнее означает, что государство не может целиком превратиться в бизнес-субъекта, так как ему нужно финансировать социальные программы, не дающие никакой прибыли.

Еще одно следствие глобализации для социально-правового государства и реализации им своего правового начала – тенденция его превращения из суверенного национального социализированного государства, каким оно было на предыдущем, социал-демократическом, этапе, в регион-государство, как, например, ЕС. В этой связи интересным и отвечающим тенденциям развития социально-правового государства представляется подход Е.Г. Пономаревой, подчеркивающей, что сегодняшнее западное государство, т.е. социально-правовое государство, по существу представляет собой не что иное, как иллюстрацию процесса десуверенизации, денационализации, десоциализации государства. Его новая, неолиберальная, модель все меньше полагается на регулирование и все больше – на рыночные механизмы и стимулы.

Если регион-государство пока еще сохраняет черты нации-государства (nation-state), а вместе с этим в определенной степени суверенные характеристики, то корпорация-государство их окончательно утрачивает²⁴. Корпорация-государство, возникающая вследствие осуществления социально-правовым государством своего правового начала, – это особая система, функционирование которой носит главным образом экономический характер и направлено на минимизацию издержек, связанных с выполнением социальных обязательств, характерных для социально-правового государства, вплоть до избавления от экономически “лишней”, “нерентабельной” части населения, которая представляется таковой с экономической (корпоративно-государственной) точки зрения.

Все эти метаморфозы социально-правового государства не случайны. Их общим знаменателем, политической подоплекой выступает продолжающийся кризис нынешней западной демократии и, разумеется, политика ее правящих кругов, суть которой очень удачно сформулирована известным отечественным философом и политологом А.И. Фурсовым. Еще в 1975 г., констатирует он, на Западе появился доклад “Кризис демократии”, написанный по заказу “Трехсторонней комиссии” С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки. В докладе четко фиксируются угрозы положению правящего слоя – прежде всего то, что против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имеется в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхним слоям. В докладе в духе идей Хайека утверждается, что развитие демократии на Западе ведет к уменьшению власти правительств и несет угрозу правам человека, и в первую очередь праву собственности, что различные группы, и прежде всего среднего класса, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали (например, право на достойное существование), и эти “эксцессы демократии” являются вызовом существующей системе правления. Вывод: необходимо умерить демократию²⁵.

Понятно, что ослабление демократии в интересах западной верхушки – нелегкая социальная и политическая задача. Ведь опорой западной демократии, которую надо умерить, был и остается средний класс – главный получатель выгод “славного тридцатилетия” (50–80-е годы XX в.). Перераспределение общественного продукта с помощью налоговой системы welfare state действительно привело к тому, что значительная часть среднего и рабочего класса, не имея полноценных буржуазных источников дохода, смогла вести в известном смысле буржуазный образ жизни.

Поэтому для разрешения “кризиса демократии” в интересах элиты и снижения темпов роста среднего класса необходимо было решить две взаимосвязанные задачи. Поскольку политически и экономически ослабить демократические институты было невозможно без частичного демонтажа welfare state, чему объективно мешало существование СССР, то с начала 1980-х годов, с одной стороны, был провозглашен курс на обострение и ужесточение “холодной войны” с СССР, а с другой – одновременно начато социальное наступление на средний и рабочий классы Запада.

²⁴ См.: Пономарева Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 95–109.

²⁵ См.: Фурсов А. Рукотворный кризис. Ч. 1 // www.rpmonitor.ru/ru/detail.php?ID=1100&print=Y с. 4.

Движущей силой этого наступления выступил финансовый капитал. А затем, когда распад СССР стал неминуем в 1989 г. ведущие страны Запада приняли Вашингтонский консенсус, – твердую линию на ультралиберализм и глобализацию, рассматривая их как мощные средства ограничения среднего класса и государства всеобщего благосостояния. Неслучайно там уже появилась социологическая теория “20 : 80”. Согласно ей в современном западном обществе меняется социальная структура: 20% – богатые, 80% – бедные, и никакого среднего класса – он размывается, тает вместе с нацией-государством, частной формой которого является социально-правовое государство²⁶.

Но породившие неолиберальную модель подобного рода процессы явно противоречат логике и подлинной **социальной природе** социально-правового государства. Как видно из изложенного ранее о первых двух моделях этого государства – либеральной и социал-демократической, эта природа заключается в том, что исследуемое нами государство выражает исторический компромисс относительно малочисленного класса транснациональной буржуазии с остальной частью населения. Для поддержания этого компромисса оно силой своего аппарата подавляет попытку самостоятельного выступления любых социальных сил, грозящих нарушить социальный баланс. В то же время, данное государство сдерживает и частично подавляет те тенденции развития корпоративно-транснационального капитала, стихийная игра которых неминуемо поставила бы всю систему на грань катастрофы. Ибо неконтролируемое развитие монополистических тенденций сравнительно быстро могло бы привести фактически к полной централизации, т.е. к той или иной разновидности социализма.

²⁶ См.: там же.

Именно так можно разрешить противоречие правового и социального начал рассматриваемого государства. Из их конфликтного взаимодействия – и это главный вывод из всего изложенного выше о сущности данного государства – рождается достаточно четко просматриваемая объективная **закономерность** его развития. Она состоит в циклическом характере развития социально-правового государства, в ходе которого периодически берет верх один из этих принципов, ослабляя, но не подавляя полностью другой. В этой закономерности и состоит смысл и суть исторического движения современной западной социально-правовой государственности. И именно ее действие тормозит современная неолиберальная модель этой государственности.

В соответствии с данной закономерностью каждый из указанных циклов выводит социально-правовое государство как таковое хотя бы на шаг вперед к новому рубежу прогресса, поскольку доминанта в этом движении при всех его конкретно-исторических перипетиях в конечном счете остается за тем началом, которое наиболее адекватно воплощает интересы государственно организованного общества как целого и более точно отвечает вызовам времени. В этом состоит отличие нашего подхода от взглядов современных неокантианцев, ортодокс-либералов и либертарианцев (но не от современного либерализма, а тем более либерал-социализма), которые исходят из безусловного методологического приоритета правового начала над социальным, юридикзма над легизмом и т.д.²⁷ Конкретная же траектория указанного движения в системе координат, заданных правовой и социальной осями (а также другими названными выше дихотомиями), определяется соотношением социально-политических сил, борющихся за преобладание одного из двух указанных принципов как внутри государства, так и в глобализирующемся мире в целом.

²⁷ Соловьев Э.Ю. Указ. соч. С. 132.